

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ЛЮДИ ИСКУССТВА

РОМАН ЕЕ ЖИЗНИ

Сегодня исполняется восемьдесят пять лет Герою Социалистического Труда, народной артистке СССР, лауреату Ленинской премии Наталии Ильиничне Сац.

Дети, театр и музыка — Наталия Сац стала «точкой пересечения». Самое «живое», в первую очередь обращенное к эмоциям искусство открыла она для самого живого и восприимчивого зрителя. Дом — театр. Круг интересов — музыка. Круг самых близких друзей — дети. Почти четверть века существует Московский детский музыкальный театр. А мечтала, думала о нем — всю жизнь...

Новеллы ее жизни (так назвала Наталия Сац свою знаменитую книгу) сложились в захватывающий роман. Нескончаемая вереница действующих лиц, поток событий. Герои потрясают своим величием. Круг общения — Станиславский, Рахманинов, Прокофьев (вспомним, ведь это она подвигла композитора на создание его знаменитой симфонической сказки «Петя и Волк»), Эйзенштейн, Черкасов, Паустовский, Олеша, Фельзенштейн, Клемперер... События — вся наша история, эпоха... Здесь нет преувеличения. Жизнь человека обычно особенно ярко «светит» в какой-то определенный отрезок времени, и он может стать своеобразной приметой этого времени, его символом. У Наталии Сац такого отрезка не было, она всегда была «на виду».

В мощной волне театрального движения, всколыхнувшегося после Октябрьской революции, сразу выделился тоненький, малозаметный поначалу ручеек — появились первые театры для детей. У истоков стояла Наталия Сац, уже Наталия Ильинична, хотя было ей в ту пору всего пятнадцать лет. В первую годовщину Октября по ее инициативе и при непосредственном участии создается Первый детский театр Моссовета. А в 1921-м она уже заметная фигура на театральном небосклоне: художественный руководитель только что открывшегося Московского театра для детей.

Клуб мастеров искусств. Переполненный зал бурно реагирует на происходящие на сцене события. Идет инсценированный «Суд над аврами, не пишущими женских ролей». Судья — Наталия Сац. Подсудимые — Катаев, Олеша и Яновский. Прокурор — Мейерхольд. Это эпизод из романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» — тоже примета времени...

Год 1936-й — Московский театр для детей преобразован в Центральный детский. Художественный руководитель, конечно же, Наталия Сац, неутомимая, знаменитая, полная мечтаний и надежд, которым... не суждено было осуществиться. 1937 год, как для многих тогда, провел резкую черту между прошлой и будущей жизнью. Ее арестовали за то, что не донесла на мужа — «врага народа». Лагерь. Но жить надо и в лагере, иначе не выжить. А жить — значило играть, ставить, значило — театр. И такой театр был — с узниками-артистами и узниками-зрителями.

Во время Великой Отечественной войны после освобождения из лагеря Наталия Сац работает в Алма-Атинском театре оперы и балета. Опального режиссера сослали в Алма-Ату, в то время как другие отправлялись туда просто в эвакуацию. В те годы столица Казахстана стала пристанищем для многих известных деятелей искусства. Сергей Эйзенштейн снимал здесь своего «Ивана Грозного», по вечерам на сцену оперного театра выходила Галина Уланова — Жизель. Спектакль «Чио-Чио-сан» в постановке Наталии Сац с известной казахской певицей Куляш Байсейтовой в главной роли стал значительным событием даже в такой насыщенной культурной жизни города.

По возвращении в Москву она все так же активно работает на благо советского детского театра. 21 ноября 1965 года — итог прожитых лет, точка отсчета новой жизни: первый в Советском Союзе, первый в мире, родился Детский музыкальный театр. В 1979 году он обособился в прекрасном новом здании на Ленинских горах. Дом этот, наполненный музыкой и ребячьими голосами, неотделим от его хозяйки, общественного и театрального деятеля — давно уже «международного класса», первой женщины — оперного режиссера мира (есть у нее и такой «титул») Наталии Ильиничны Сац. Творческая жизнь насыщена до предела —

спектакли, новые постановки, гастролы. Недавно прибавились еще и концерты детской филармонии, работающей здесь же, в театре. Вдохновенны и в то же время удивительно просты и доходчивы ее беседы о музыке — никто, как она, не умеет так захватить, увлечь юных слушателей...

Плотно исписаны страницы биографии. Но что, собственно, скрывается под именем «Наталия Сац», в чем суть этого удивительного характера? И как бы она сама ответила на этот вопрос? Чтобы «раззадорить» ее, вызвать на откровенность, хорошо бы задать еще пару вопросов — каверзных. Например, говорят (конечно, «говорят» — это еще ничего не значит, но ведь все-таки говорят), что, пожалуй, чересчур активна, слишком настырна, все сумеет «достать», всего, что ни захочет, добиться?.. А театр? Не слишком ли уж он «детский», этот детский театр, не слишком уж наивен и прост для таких «непростых» наших детей? И, сама напуганная своей смелостью, я отправляюсь к Наталии Ильиничне.

...Нажимаю на нотку дверного звонка, то есть на кнопку, конечно, но палец упирается как раз в изображенную на ней ноту. Раздается мелодичный звон, и возникает ощущение (совсем не нужное мне сейчас), будто за дверью вот-вот начнутся удивительные чудеса.

Ожидание длится недолго. Наталия Ильинична сама распахивает дверь и — с порога: «Чаю хотите? Что значит «нет»? Но беседовать нам тогда придется на кухне, не было случая, чтобы я не забыла про чайник. Он у меня, бывает, по несколько часов кипятится, а это, знаете ли, печально кончается...» Во избежание такого печального конца идем на кухню. Чайник с водой по самую крышку водворен на плиту. Мы садимся, и я с ходу открываю свои «карты». Она, против ожидания, выслушивает, ничуть не гневаясь.

— Как угодно можно называть такого человека (все зависит от предмета его устремлений и, простите, от отношения к этому человеку) — настойчивым, энергичным, «пробивным» или... хорошим организатором. Не в этом дело.

Всю жизнь она создавала свой театр, отчаянно боролась за него, за его судьбу и всегда очень мало интересовалась, как могут быть охарактеризованы ее действия. Боролась не в личных, корыстных целях, а для детей, которым, по глубокому ее убеждению, музыкальный театр просто необходим.

— Иначе было нельзя, потому что было всегда так: если не пробовать, то рискуешь остаться ни с чем. А если бы кто-то еще рдел за музыкальный театр для детей, не мешала бы. Наоборот. Но конкуренций не было.

Да, всегда умела просить и умолять, требовать и настаивать и... добиваться своего! Иначе невозможно «сделать» театр. Невозможно быть режиссером. Невозможно быть организатором, даже плохим.

Вот, в сущности, и начало ответа на вопрос, какая она, Наталия Сац...

Какая? Очень рассеянная — во всем, что не касается детского музыкального театра. Веселая, неунывающая, никогда не теряющая надежды и уверенная в правоте своего дела. Человек творческий, в котором уживаются бог и черт, высокая творческая мука и ребячья проказливость.

Недаром ее искусство предназначено для детей, она и сама ребенок, взрослый, мудрый, но ребенок. И потому, наверное, ее искусство очень доброе. Может быть, порой слишком поучительное, но учит оно всегда доброте. А это самое важное.

— Самое важное — это талант. Самый же большой и редкий талант в искусстве, как и в жизни, — любовь. К своему искусству и к своему зрителю. А зритель наш особенный, особенной чуткости, и любви он требует особенной, без остатка, безграничной, без тени фальши. Вот вы говорите «роман моей жизни» про мою книгу, значит, про мою жизнь, а роман этот — детский театр, а герой романа — дети. Иначе не могло быть. Иначе я не я. Не Наталия Сац, да просто не Наталия!

Своему имени она придает большое значение. Это я знаю, читала в «Новеллах»: «Имя мне дали тоже с опозданием, когда у меня развились «хватательные движения». Сделали три записки: «Тамара», «Ирина», «Наташа» и подсунули их мне. Я вытащила записочку, на которой было написано «Наташа», и очень этому рада. Ну какая была бы из меня Тамара? Даже смешно. Ирина мне тоже не подходит».

...Мысленно представляю себя в зрительном зале Детского музыкального театра. Идет спектакль. Действие не очень захватывает меня — пожалуй, все же и с детьми надо бы говорить на более «взрослом» языке. Внимание рассеивается, и именно потому я начинаю разглядывать своих соседей. Сосредоточенные лица, на которых — в зависимости от происходящего на сцене — то радость и восторг, то печаль и тревожное ожидание. Тишина, нарушаемая репликами только «по существу» и разве что еще шуршанием конфетных оберток. Равнодушных зрителей здесь нет. Они сопереживают. Они то смотрят на сцену «всерьез». Первые постигают то удивительное и непостижимое, что называется театром и что, однажды полюбив, уже разлюбить нельзя. И если здесь, в этом зале, они полюбят театр, музыку — значит задача решена, цель достигнута.

Наконец я вспоминаю здание театра — наверху, так выглядел сказочный театр папы Карло, прятанный за дверцей с нарисованным на холсте очагом. Широкие лестницы, просторные фойе. Разгуливающие по ним сказочные персонажи. Портреты любимых героев любимых книг... И вдруг вновь ощущаю детский восторг, с которым впервые переступила этот порог...

Наталия Ильинична (недаром она называет себя колдуньей) вдруг рассыпает передо мной ворох разноцветных бумажек: письма, рисунки. Со всех концов света. Из Калуги и Караганды, из Нью-Йорка, из Англии и Канады. Обращаются к ней по-разному: где называют солидно — Наталией Ильиничной, где по-родственному «тетя Наташа», а где и вовсе по-свойски — «Наташа». Но во всех благодарности и как высшее ее проявление — доверчивое стремление поведать о себе, своих бедах и радостях, сокровенных желаниях и досадных преградах на пути к их исполнению. Почти все письма с ошибками, но во всех безошибочное чутье, так свойственное детскому сердцу: здесь прочтут, поймут и полюбят. Письма эти — лучшее свидетельство тому, что адресат обладает этим удивительным, самым важным, по его же мнению, на свете талантом — талантом любить...

Больше вопросов я не задаю. Из коварного вопрошателя незаметно для себя превращаюсь в благодарного слушателя. А «новеллы» Наталии Ильиничны следуют одна за другой. О том, как постигала основы журналистского мастерства под руководством знаменитого Михаила Кольцова. О недавних гастролях в Москве «младшего брата» — молодого Киевского детского музыкального театра. И о том, как ставила в Алма-Ате «Чио-Чио-Сац» (выражение Сергея Эйзенштейна). И как уговорила губернатора штата Нью-Йорк Марио Куомо оставить детскому музыкальному театру в Облани роскошное здание: «Всю ночь накануне встречи вспоминала итальянские слова, составляла речь, думала — ведь он итальянец, говоря на его родном языке, может быть, скорее поймет друг друга...»

...Пауза. Мгновенное ощущение необычной подозрительной какой-то — ночной! — тишины. Одновременный взгляд на часы и одновременный возглас: два! И тут же в ночи начинают нарастать непонятный kloкочущий звук, странным образом не нарушая, а только усиливая тишину. На сей раз Наталия Ильинична опережает меня: «Боже мой! Чайник!!!» И, подмигнув, смеется: «Ну вот, и вы забыли. Может быть, потому, что вас тоже зовут Наташа?»

Нет, конечно же, нет, совсем не потому...

● Наталия Сац.

Н. ШАДРИНА.

Фото А. Степанова